

УДК 81'23

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Н.О. Золотова

*Доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории языка, перевода и французской филологии
e-mail: Zolotova.NO@tversu.ru*

Тверской государственный университет

Ключевые идеи концепции внутренней формы языка, сформулированные В. Гумбольдтом и переосмысленные А.А. Потебней применительно к слову, а также динамика взглядов на соотношение внешнего и внутреннего при рассмотрении формы обсуждаются как идеи, предвосхищающие психолингвистическое понимание рассматриваемого феномена. Специфика психолингвистического подхода к трактовке внутренней формы обуславливается рассмотрением слова как принадлежности индивидуального сознания, а не в качестве единицы языковой системы.

Ключевые слова: *внешняя и внутренняя форма, внутренняя форма языка и слова, семантическая структура слова, мотивировка, слово как достояние индивида.*

Введение

Триумф формы как отличительное свойство предыдущего века сохраняется и в нынешнем. Достаточно упомянуть биологическую и философскую трактовку жизни как активной формы существования материи от рождения до смерти. Смерть в свою очередь видится как форма небытия, или в формулировке, которую приписывают Р. Брэдли, как «форма расплаты с космосом за чудесную роскошь побыть живым» [10 цитат [http](http://)].

Осмысление вечных проблем жизни и смерти невозможны без обращения к понятию формы, как например, у Л.Н. Толстого: «... жизнь здесь не начало, а только новая форма жизни. Умру и перейду в новую форму» [Толстой Л.Н. [http](http://)].

Обращаясь к самой форме существований наших мыслей, М.К. Мамардашвили отмечает, что «...без формы ничего не бывает», и далее: «Искусство форма. Наука форма. Философия форма. Форма чего?» [Мамардашвили 2004: 31-38].

Ответ на этот вопрос обсуждается в гуманитарных науках, где форма издавна выступает в качестве объекта исследования как лингвистического, так и нелингвистического свойства.

Внутренняя форма как душа в языке и слове: воззрения Гумбольдта и Потебни

Введение в языковедческий обиход понятия «внутренняя форма» обычно связывается с именем В. Гумбольдта. Определяя язык как средство познания и выражения «духа народа», В. Гумбольдт указывает, что форму языка составляет нечто «постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли...» [Гумбольдт 1985: 71]. Специфический способ объединения звукового материала и психического содержания, «сугубо индивидуальный порыв, посредством которого тот или иной народ воплощает в языке свои мысли и чувства», трактуется немецким мыслителем в качестве внутренней формы языка [Там же].

Отталкиваясь от ключевых идей В. Гумбольдта, А.А. Потебня создает свою лингвофилософскую концепцию, в которой понятие внутренней формы языка Гумбольдта развивается до более частного понятия внутренней формы слова. По Гумбольдту внутренняя форма «живет в языке как душа в теле»; А.А. Потебня считает это справедливым и для слова: его интересует психологический аспект слова – его душа.

Внутренняя форма слова как «средство апперцепции» играет значимую роль в познании и общении, что обусловлено ее чувственной природой. По мнению А.А. Потебни, «слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящих, апперцептировать содержание его мысли. Членораздельный звук, издаваемый говорящим, воспринимаясь слушающим, пробуждает в нем воспоминание его собственных таких же звуков, а это воспоминание посредством внутренней формы вызывает в сознании мысль о самом предмете» [Потебня 1993: 93].

Внешняя форма нераздельна с внутренней, меняется вместе с нею, без нее перестает быть сама собою, но, тем не менее, совершенно от нее отлична. А.А. Потебня иллюстрирует это отличие на примере слов разного происхождения, которые получили с течением времени одинаковый выговор: для малороссиянина слова *мыло* и *милло* различаются внутренней формой, а не внешней [Там же: 124].

Проводя параллель с восприятием художественного произведения, А.А. Потебня обращает внимание на чувство эстетического наслаждения, которое сопровождает понимание произведения, так же, как и осознание внутренней формы в слове за счет воссоздания «символизма слова». «Для восстановления в сознании красоты слова *báltas* нужно знание, что известное нам его содержание условлено другим, именно значением белизны: *báltas* значит *добрый* и проч. потому, что оно значит *белый*, точно также как русское *белый*, *светлый* значит, между прочим, *милый*, именно вследствие своих значений *albus*, *lucidus*» [Потебня 1976: 177].

Таким образом, внутренняя форма слова, по Потебне, в отличие от его звучания (внешней формы) и общепринятого словарного значения представляет собой «врожденную» метафору, которая может быть реконструирована в творческих актах, в частности поэтических текстах: «...не первозданное только, но всякое слово с живым представлением, рассматриваемое вместе со своим значением (одним), есть эмбриональная форма поэзии» [Потебня 1976: 429].

Если «символизм языка», по мнению А.А. Потебни, является «его поэтичностью», то «забвение внутренней формы слова» – наоборот, кажется ученому «прозаичностью слова» [Потебня 1993: 124]. Следуя этой логике, восстановление внутренней формы прозаичного, обыденного слова приводит к его «воскрешению». Об этом говорит В.Б. Шкловский, один из ключевых представителей русского формализма, утверждая, что «всякое слово в основе – троп» [Шкловский 1990: 36]. С точки зрения Шкловского, причины «забвения», о котором упоминает А.А. Потебня, заключаются в привычности восприятия: «Мы не переживаем привычное, не видим его, а узнаем. Мы не видим стен наших комнат, нам так трудно увидеть опечатку в корректуре, особенно если она написана на хорошо знакомом языке, потому что мы не можем заставить себя увидеть, прочесть, а не “узнать” привычное слово» [Там же]. В повседневной практике слова «служат, так сказать алгебраическими знаками и должны быть безобразными, употребляясь в обыденной речи, когда они не договариваются и не дослушиваются, – стали привычными, и их внутренняя (образная) форма и внешняя (звуковая) формы перестали переживаться» [Там же].

Взаимодействие внешнего и внутреннего при рассмотрении формы в психологии

В отечественной психологии тема формы рассматривается в работах Л.С. Выготского при обсуждении внутренней формы слова и художественной формы. Психолог акцентирует активное начало формы, прибегая к следующему сравнению: «...форма меньше всего напоминает оболочку, как бы кожуру, в которую облечен плод. Форма, напротив, раскрывается при этом как активное начало переработки и преодоления материала в его самых элементарных и косных свойствах» [Выготский 2001:140].

Направляя свое внимание на разные стороны «внутреннего», Л.С. Выготский неодинаково обозначает то, что подразумевается как внутренняя форма, например: «внутренний образ слова», «внутреннее сравнение», «внутренняя картина, или пиктограмма», «условные звуки, связанные с внутренним образом», «внутренняя сторона слова», которая является значением и т.п., на что обращает внимание В.П. Зинченко [Зинченко 2000: 8]. Тем не менее в рассуждениях о слове с психологических позиций, у Л.С. Выготского есть прямое указание на

существование в каждом слове внутренней формы, или образа, который помещается между звуковой формой и значением как второй элемент из трех названных [Там же: 188]. Внутренней формой психолог называет при этом ближайшее этимологическое значение, при помощи которого слово приобретает возможность означать вкладываемое при этом содержание. Во многих случаях эта внутренняя форма была забыта и вытеснена под влиянием все расширяющегося значения слова. Однако в другой части слов эту внутреннюю форму обнаружить чрезвычайно легко, а этимологическое исследование показывает, что даже в тех случаях, в которых сохранились только внешние формы и значение, внутренняя форма была и только забылась в процессе развития языка [Там же]. Сравните одну из формулировок внутренней формы слова у А.А. Потебни: «В слове мы различаем: внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [Потебня 1976: 175].

Сложность психологического подхода к проблеме формы в целом афористично обозначается В.П. Зинченко как «обманчивое внешнее и таинственное внутреннее» [Зинченко 2000]. Ключевыми понятиями концепции формы, созданной В.П. Зинченко, являются живой язык, живое слово и живое движение, избыточность которых «требуется для своего описания привлечения и разработки законов биомеханики, физиологии и психологии активности» [Там же: 60]. Исследователь подчеркивает принципиальную общность строения действия, слова, образа, которая «скрыта в глубине, в их внутренних формах», а их «знакомость друг с другом, взаимная проницаемость, возможность диалога и “обмена опытом”» вытекают из гетерогенного строения каждой из них, что и составляет тайну их взаимодействия и продуктивности» [Там же: 86]. Автор заключает, что подобно слову, которое в своей внутренней форме может иметь образ, действие, мысль и аффект, наблюдаемое предметное действие «может содержать в своей ненаблюдаемой внутренней форме и слово, и образ, и мысль, и оценку, и мотив, и аффект» [Там же: 166]. Сложные взаимоотношения между словом, действием, образом и мыслью обусловлены обратимостью внешних и внутренних форм. Это свойство обратимости форм обеспечивает «механизм взаимного опосредования». «Его участники – действие, слово, образ – постоянно “прорастают” друг в друга, обогащают внутренние формы каждого, на чем и строится их искомое смысловое единство» [Там же: 108]. Возможность подобного прорастания усиливает порождающие потенции внутренних форм, которые обозначаются автором как «способные к развитию животворящие формы» [Там же: 167].

Лингвистическая трактовка внутренней формы слова

В лингвистических исследованиях внутренняя форма может рассматриваться в качестве компонента семантической структуры слова, которая не всегда оказывается нейтральной по отношению к этой структуре в целом [Варина 1976: 243]. «Будучи динамическим компонентом значения, внутренняя форма в некоторых случаях выдвигается на первый план и обуславливает семантику лексических единиц и ее значимость в полисемантической структуре слова» [Там же].

В лингвистике также существует мнение о внутренней форме слова как его мотивировке: «Мотивировка есть как бы способ изображения данного значения в слове, более или менее наглядный “образ” этого значения, можно сказать – сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова. В мотивировке раскрывается подход мысли человека к данному явлению, каким он был при самом создании слова, и потому мотивировку иногда называют “внутренней формой слова”, рассматривая ее как звено, через которое содержание (= значение) слова связывается с его внешней формой – морфологической структурой и звучанием» [Маслов 1987: 113]. Ю.С. Масловым подчеркивается «избыточность, даже ненужность мотивировки с того момента, как слово становится привычным». Автор указывает необходимость мотивировки в момент рождения слова (или в момент рождения переносного значения). Однако, раз возникнув, новое слово (или новое значение слова) начинает «жить своей жизнью». За счет многократных повторений в речевых актах оно запоминается, к нему привыкают, на нем, на его структуре перестают останавливаться мыслью. Мотивировка как бы «уходит в тень», почему и становятся возможным *красные чернила, розовое белье* и т.д. Мы вспоминаем о мотивировке в каких-то специальных, редких случаях. В подобном «замороженном» состоянии она может сохраняться долго, но достаточно небольшого изменения в значении производящего слова, и она забывается совсем. Показательно, что и самые важные слова принадлежат к немотивированным [Там же: 114].

Психолингвистический подход к феномену внутренней формы слова как достояния индивида

Следуя предупреждению о недопустимости смешения исторического словообразования и синхронического исследования лексики (О.Н. Трубецкой), лингвисты предпринимают попытки четкого разграничения «синхронии» и «диахронии», а также «субъективного» и «объективного» в системе языка, что, по мнению И.Л. Медведевой, является причиной противоречий в трактовке внутренней формы слова в лингвистике [Медведева 1994: 32]. Приступая к разработке психолингвистического подхода к внутренней форме, И.Л. Медведева

отмечает, что названные причины противоречий при обсуждении феномена внутренней формы слова снимаются, если слово рассматривать как достояние индивида, т.е. если в центр исследования ставится носитель языка (см., например: [Медведева 1999 и др.]).

На специфику психолингвистического подхода к трактовке внутренней формы слова и ее роли в когнитивных процессах обращает внимание Т.М. Рогожникова, которая, изучая «суггестивный потенциал вербальной модели», пришла к выводу, что внутренняя форма слова коррелирует с тем, что понимается ею как «суггестивная сила» слова или текста [Рогожникова 2013http]. Именно «суггестивный лик» вербальной модели, на взгляд автора, отвечает всем тем требованиям, которые на сегодняшний день предъявлены к понятию «внутренняя форма» и которые до сих пор не прописаны полностью [Там же].

Т.М. Рогожникова убеждена, что анализировать «силу вербальной модели» с помощью традиционного лингвистического инструментария нельзя. Необходим не просто иной арсенал методов, но и иные единицы анализа. Во-вторых, суггестивный потенциал или «сила» вербальной модели не лишена формы субстанции. Более того, она не просто организует субстанцию, от нее зависит организация внешней формы. В-третьих, эта «сила» является внутренней формой языка, она увязана с законами действия слова [Там же].

Идеи о внутренней форме Т.М. Рогожниковой нашли развитие в исследовании Г.Р. Кочетовой [Кочетова2014], нацеленном на изучение «ассоциативной цветности» как проявления внутренней формы вербальной модели. На основе экспериментальных данных автором были созданы цветовые матрицы звукобукв башкирского и татарского языков. В ходе эксперимента с носителями названных языков были зафиксированы «реакции-сращения» как промежуточные элементы ассоциативного процесса. Некоторые из них свидетельствуют, по мнению автора, о возникновении образов, в большинстве случаев, связанных с цветностью. Обозначенные реакции, полученные от носителей башкирского и татарского языков, характеризуют аспект «внутренней формы» исследуемой звукобуквы [Там же].

Перечисленные В.Г. Вариной случаи проявления внутренней формы слова («перевод с одного языка на другой, процесс обучения иностранному языку, акт коммуникации носителей разных языков (устное общение), чтение на иностранном языке художественной, публицистической или специальной литературы» [Варина 1976: 239]) могут быть дополнены результатами психолингвистических экспериментов, среди которых обнаруживаются реакции испытуемых, квалифицируемые как манифестации того или иного аспекта внутренней формы слова-стимула.

По сути дела, речь идет о проявлении одной стратегии опоры на внутреннюю форму слова-стимула, разворачивающейся на разных

уровнях, когда испытуемые опираются на морфологические элементы слова, совпадающие с исторической мотивацией, «примысливают» слову внутреннюю форму в духе «народной этимологии», предлагают субъективную дефиницию значений слова, опирающуюся на его фоносемантический образ.

Случаи манифестации разных аспектов внутренней формы слова зафиксированы в многочисленных экспериментальных исследованиях при идентификации испытуемыми вербального стимула. Например, участники эксперимента – носители русско-английского учебного билингвизма при опознании плохо знакомых английских слов прибегли к следующим опорам: INDIGNATION – *индиго – джинсы*; COMFORTABLE – *камфора – масло*; ENTERTAINING – *Интернет-сайт, ресурс* и т.п.

Как справедливо отмечает И.Л. Медведева «... эти опоры могут представлять собой, с точки зрения лингвистики, достаточно странные нелогичные образования, однако именно они оказываются надолго закрепленными в ассоциативном поле усвоенной языковой единицы как следы активности индивида при ее восприятии» [Медведева 1995:159].

Немаловажно, что актуализация внутренней формы носителем языка сопряжена с эстетическими и эмоциональными переживаниями, так как «внутренняя форма образована чувственной или биодинамической тканью индивида, наполняющей внешнюю форму слова личностными смыслами, переживаниями, эйдетической энергией – энергией образа» [Медведева 1999: 6].

Заключение

Таким образом, высказанная А.А. Потебней более ста лет назад мысль о том, что «язык не есть только материал поэзии, как мрамор – ваяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыто наглядное значение слова» [Потебня 1976: 198], является актуальной для современных психолингвистических исследований, в которых внутренняя форма как носитель эйдетической энергии помогает индивиду найти путь от нового знания к собственному «Я». При этом те креативные потенции внутренней формы слова, которые открываются поэту, художнику слова, могут оказаться доступными и рядовому носителю языка.

Библиографический список

Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 233-243.

Выготский Л.С. Анализ эстетической реакции. М.: Лабиринт, 2001. 480 с.

- Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
- Зинченко В.П. Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
- Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность как проявление внутренней формы вербальной модели: автореф. дис. канд. ... филол. наук. Ижевск: Ижевский государственный университет, 2014. 24 с.
- Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Изд-во «Логос», 2004. 272 с.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.
- Медведева И.Л. Лингвистическая и психолингвистическая трактовка понятия внутренней формы // Слово и текст: актуальные проблемы психолингвистики. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1994. С. 30-37.
- Медведева И.Л. Перспективы психологического изучения внутренней формы языковой единицы // XXIV зональная конференция литературоведческих кафедр университетов и пединститутов Поволжья (Тверь, 13-15 мая 1995 г.). Тверь: Твер. гос. ун-т, 1995. Ч. I. Лингвистика. С. 159 – 160.
- Медведева И.Л. Психолингвистические аспекты функционирования иноязычного слова: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. 111 с.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Изд-во «Искусство», 1976. 614 с.
- Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: «СИНТО», 1993. 192 с.
- Рогожникова Т.М. Внутренняя форма и ее ассоциативная цветность // Лингвистический иконизм. Международный научный интернет-проект, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://liconism.com/> (дата обращения: 10.9.2023).
- Толстой Л.Н. Божеское и человеческое. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/book/lev-tolstoy/bozheskoe-i-chelovecheskoe-174450/chitat-onlayn/page-3/> (дата обращения 20.03.2024)
- Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914-1933). Москва: Советский писатель, 1990. 544 с.
- 10 цитат Рэя Брэдбери, которые заставляют задуматься о жизни и смерти. URL: <https://lifehacker.ru/10-citat-reya-bredberi/> (дата обращения 2.03.2024).

References

- Varina V.G. Leksicheskaya semantika i vnutrennyaya forma yazykov`ykh edinic // Principy i metody` semanticheskix issledovaniy. M.: Nauka, 1976. S. 233 – 243.
- Vy`gotskij L.S. Analiz e`steticheskoy reakcii (Sobr. tr.). M.: Labirint, 2001. 480 s.
- Gumbol`dt V. Yazyk i filosofiya kul`tury`. M.: Progress, 1985. 451 s.

Zinchenko V.P. My`sl` i slovo Gustava Shpeta (vozvrashhenie iz izgnaniya). M.: Izd-vo URAO, 2000. 208 s.

Kochetova G. R. Associativnaya czvetnost` kak proyavlenie vnutrennej formy` verbal`noj modeli: avtoref.dis. kand. ... filol. nauk. Izhevsk: Izhevskij gosudarstvenny`juniversitet, 2014. 24 s.

Mamardashvili M.K. Soznanie i civilizaciya. Teksty` i besedy`. M.: Izd-vo «Logos», 2004. 272 s.

Maslov Yu.S. Vvedenie v yazy`koznanie. M.: Vy`sshaya shkola, 1987. 272 s.

Medvedeva I.L. Lingvisticheskaya i psixolingvisticheskaya traktovka ponyatiya vnutrennej formy` // Slovo i tekst: aktual`ny`e problemy` psixolingvistiki. Tver`: Tver. gos. un-t, 1994. S. 30-37.

Medvedeva I.L. Perspektivy` psixologicheskogo izucheniya vnutrennej formy` yazy`kovej edinicy // XXIV zonal`naya konferenciya literaturovedcheskix kafedr universitetov i pedinstitutov Povolzh`ya (Tver`, 13-15 maya 1995 g.). Tver`: Tver. gos. un-t, 1995. Ch. I. Lingvistika. S. 159 – 160.

Medvedeva I.L. Psixolingvisticheskie aspekty` funkcionirovaniya inoyazy`chnogo slova: Monografiya. Tver`: Tver. gos. un-t, 1999. 111 s.

Potebnya A.A. E`stetika i poe`tika. M.: Izd-vo «Iskusstvo», 1976. 614 s.

Potebnya A.A. My`sl` i yazy`k. Kiev: «SINTO», 1993. 192 s.

Rogozhnikova T. M. Vnutrennyaya forma i ee asociativnaya czvetnost` // Lingvisticheskij ikonizm. Mezhdunarodny`j nauchny`j internet-proekt, 2013. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://liconism.com/> (data obrashheniya: 10.9.2023).

Tolstoj L.N. Bozheskoe i chelovecheskoe. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.litres.ru/book/lev-tolstoy/bozheskoe-i-chelovecheskoe-174450/chitat-onlayn/page-3/> (data obrashheniya 20.03.2024).

Shklovskij V.B. Gamburskij schet: Stat`i – vospominaniya – e`sse (1914-1933). Moskva: Sovetskij pisatel`, 1990. 544 s.

10 citat Re`ya Bre`dberi, kotory`e zastavlyayut zadumat`sya o zhizni i smerti. URL: <https://lifehacker.ru/10-citat-reya-bredberi/> (data obrashheniya 2.03.2024) (data obrashheniya 12.03.2024).